

АННА НУЖДИНА

ПОИСКИ КЛЮЧА

Павел Сидельников. Четыре подборки стихов: “Огни Кузбасса” № 5 2020, “Сибирские огни” № 10 2020, “Дактиль” № 13 2020, “Урал” № 6 2021.

Стихи Павла Сидельникова – неустанный поиск существенных для большинства поэтов знаний: это знание о сути поэзии, знание о “совершенстве смысла” и знание о “совершенстве формы”. Вместе они составляют, скажем так, ключ к пониманию собственных стихов. Такой поиск поэт ведёт не вслепую, у него есть вполне конкретные “маяки”, категории, проявляющиеся во многих стихотворениях поэта.

Категория первая – ночной фантом. Ей свойственны размытость, неоднозначность, отсутствие конкретики. Проявлена она “музыкой поздней ночи”, которую можно увидеть в таких стихотворениях, как “Ночная переключка птиц слышна” (Сибирские огни, № 10, 2020) и “Я молчу. Темнота в округе” (Огни Кузбасса, № 5, 2020). Оба они посвящены особому восприятию поздней ночи: через игру полутонов ощущений и чувств. Лирический герой “Ночной переключки” будто бы стремится убежать в эмоцию, раствориться в ночи; как бы по секрету говорит, что лишь чувством способен восхититься, лишь оно наполняет его (“сойти б с ума, да ум не позволяет...”). Для лирического героя “Я молчу...” образ поздней ночи – кумир, учитель (“Эта музыка поздней ночи // научила меня молчать”). Поздняя ночь здесь становится символом. Правда, символ этот всё же лишён предметной чёткости.

Темнота, птичьи надрывные трели, ругань, шум, звон и звенящая же тишина в безумном гомоне – всё это отсылает читателя к “Ночным часам” Блока. Там, конечно, ночной Петербург, но ночной же! И звучит петербургская ночь так же, как воронежская, – мягко, расплывчато, таинственно. Строки словно говорят с читателем этой музыкой ночи: предложения не умещаются, выползают, будто бы сваливаются, размываются за строчными границами. Ритм чёткий, но притом такой эфемерный; кажется, ухватишься за него пальцами и не ощутишь в руке ничего. “Где-то время уходит вспять...” – и наше уходит тоже, пока читатель, заворожённый симфонией фантома, отыскивает отзвук в себе.

НУЖДИНА Анна родилась в 2004 году в г. Сарове. Учится в МБОУ Гимназии № 2 города Сарова. Публиковалась с литературно-критическими статьями в журналах “Юность”, “Гостиная”, “Дегуста”, “Формаслов”, в выпусках передачи “Пролиткульт” (литературное радио). Выпускница ОЦ “Сириус” по направлению “Литературное творчество”.

Вторая опорная категория — “чистое сияние” истинной любви. Очень интересно получается: одна категория с точки зрения цветовой палитры тёмная, а другая — светлая, и обе являются гранями одного поэтического образа. “Чистое сияние” выражено любованием природой и гармонией, внутренним созвучием с близким человеком, например, в стихотворениях “Ты уходишь туда, где цветы порождают растенья” (Дактиль, № 13, 2020) и “Лежать на простыне вдвоём” (Урал, № 6, 2021).

Что касается стихотворения “Ты уходишь туда, где...”, то напрашивается довольно очевидное сравнение с Андреем Белым, а конкретно — со “Знаю” (и не менее очевидное — с циклом “Стихов о Прекрасной Даме” Блока). Образ возлюбленной в этих стихах тоже скорее символ, чем действительный человек (то есть вторая категория носит такой же неконкретный характер, как и первая): читатель не видит девушки, не слышит, но ощущает её присутствие. Ничего индивидуального у неё нет. И второе сходство, конечно, в настроении. Павел Сидельников, как и Андрей Белый, любит своей возлюбленной и видит в ней живой концентрат всего прекрасного и чистого, что только есть в мире. Воплощение непререкаемой правды в любви и красоте. Это же торжество истины через любование прослеживается и в “Лежать на простыне вдвоём”. Здесь снова такой явный и яркий символизм, что идея затмевает всё вещественное. Остаётся только эмоциональная сторона бытия.

Конечно, важна не только сама истина, но и оболочка, в которую автор её поместил, поэтому Сидельников подбирает своим признаниям как можно более витиеватые, но при этом гармоничные формы: “позвоночная ветка шумит на холмистом откосе”, “...цветочная пыль показалась застенчивой тенью”. Можно говорить о непосредственном отношении формы стихов к чувствам героя — раз автор пишет об этой девушке (пусть и опосредованно, не называя её напрямую) так, чтобы ни одной конкретной детали не нашлось, значит, она и правда особенная. Это тоже своего рода признание в возвышенной рыцарской любви.

Есть точка, в которой опорные категории поэтики Сидельникова сливаются воедино — это стихотворение “О, тишина...”. На некоторые строки для наглядности стоит взглянуть поближе:

*о тишина
о тихая
чудная тишь
пиррихийев*

— однозначно любование, восхищение, но уже не святостью высокого чувства, а тишиной. Причём тишина не обычная, а “тишь пиррихийев” — молчание в момент нарушения стихотворного ритма, явление очень зыбкое. Здесь преобладает всё же первая категория.

Но есть и другие строки:

*любовь моя
мы созданы
мы созданы
из воздуха*

Что это, как не торжество любви? Более того, торжество правды. Абсолютной, непререкаемой, бессмертной. В одном произведении проявляются сразу обе опорные категории, и это позволят Павлу Сидельникову приблизиться к нахождению поэтической истины. И даже обрести её, пусть и ненадолго. Нет ещё у этих стихов осознанного устремления, понятой автором цели их существования, но внутренняя гармония уже достигнута.

Впрочем, не всегда Сидельникову удаётся чётко простроить внутреннюю логику создаваемых хронотопов, миры его стихов иногда начинают рассыпаться. Подобная фрагментарность есть, например, в стихотворении “Вдруг оказавшись не у дел” (Урал, № 6, 2021), где нарушается единство места и времени.

*Вдруг оказавшись не у дел,
услышишь — чайник подоспел.*

А через несколько строк, наполненных бытовыми зарисовками, появляются вдруг вот такое:

*Скрипит коническая крыша,
где Бог сидит — превыше крыш,
где мы сидели.*

Какая крыша? Где она? Если коническая, то, должно быть, крыша костёла или кирхи, но как герой видит её — окно выходит на улицу, а через дорогу церковь? Или герой вспоминает церковь? Где он вообще находится: в Воронеже, в Петербурге или даже не в России? Почему именно коническая крыша, откуда она взялась? Созданный хронотоп провинциального городка рассыпался из-за нарушения пространственных отношений. Поэтому вложенный по этому смысл здесь, увы, не проявляется.

Павел Сидельников преуспевает в своём стремлении к обретению поэтической мысли — это можно видеть на примере удачного “О, тишина, о, тихая...”. И хотя поэт ещё не до конца овладел техническим мастерством, у него, несомненно, всё впереди.